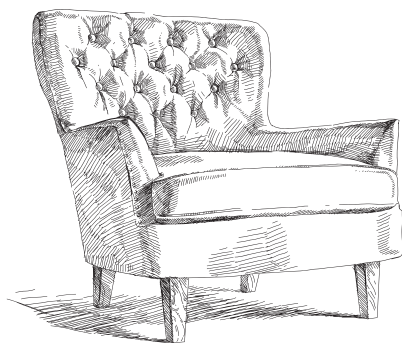

Книга первая

Инсталляция

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая Инсталляция

Глава 0. Извлечение из Уложения (Главная часть)	7
Глава 1. Тауэр	8
Глава 2. Побег	23
Глава 3. Убийство Техников	35
Глава 4. Роман Кублаха	51
Глава 5. На фасетте	75
Глава 6. Визит моторолы	95
Глава 7. Прибытие	109
Глава 8. Предложенное кресло	119
Глава 9. Кси-шок	130
Глава 10. Встреча с Джосикой	150
Глава 11. Мечь Кублаха	174
Глава 12. В Наслаждениях	196
Глава 13. Первые часы города	211
Глава 14. Ромео и Джульетта	224
Глава 15. Вокзал	231
Глава 16. Тронная речь	249
Глава 17. Мужчина мужского рода	267
Глава 18. Техника «визи»	283
Глава 19. Первые столкновения	300
Глава 20. Джосика становится женщиной	316
Глава 21. Террор	336
Глава 22. «Возвращение» Грозного Эми	353
Глава 23. Джосика и Дом	374
Глава 24. Ловушка для Эми	402
Глава 25. За день до Дня Данутсе	447
Глава 26. День Данутсе	460

Книга вторая Кабальеро Данутсе

Глава 1. О прибытии персонального детектива	489
Глава 2. Побег Дона	503
Глава 3. О глупой, но героической гибели Тито Гауфа	509
Глава 4. Фальцетти и моторола	518
Глава 5. Кублах знакомится с Джосикой	527
Глава 6. Несостоявшаяся речь Джосики	536
Глава 7. Заседание штаба Братства	546
Глава 10. Арест Кублаха	563
Глава 11. Джосика идет выручать Кублаха	588
Глава 12. О встрече Кублаха и Фальцетти	592
Глава 13. Джосика идет выручать Кублаха (продолжение)	605
Глава 14. Охота Кублаха	606
Глава 15. Покушение на Кублаха	618
Глава 16. В доме Фальцетти	621
Глава 17. Штурм	625
Глава 18. После штурма	643
Глава 19. Поиски «домика»	652
Глава 20. «Домик»	659
Глава 21. Кублах и Джосика	678
Глава 22. Ошибка моторолы	699
Глава 23. После смерти Фальцетти	712
Глава 24. Затишье перед бурей	725
Глава 25. Нашествие тридэ	732
Глава 26. Подготовка	758
Глава 27. Смерть Дона	765
Глава 28. Конец Инсталлятора	779
Глава 29. Персональный детектив Кублаха	784

ГЛАВА О. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ УЛОЖЕНИЯ [ГЛАВНАЯ ЧАСТЬ]

1. Моторола есть необходимый элемент существования крупного человеческого сообщества.

2. Любой моторола может предугадать практически все, что происходит в его мониторной сфере. Он все знает и всем управляет. То, чего моторола не может предсказать, незначительно и драматического влияния на события не оказывает. Если даже происходит нечто, моторолой не предсказанное, такое, что влечет за собой существенные непредусмотренные последствия, то эти последствия контролируются моторолой и, будучи управляемы, в конечном счете работают на главную объективу моторолы — благополучие людей, находящихся в его мониторной сфере.

3. Все трагедии, происходящие в мониторной сфере моторолы, заранее им предугадываются, а в некоторых случаях даже намеренно им создаются; но это означает, что любой другой исход имел бы куда худшие для людей последствия.

4. Итак, моторола все знает, все может и все способен предугадать.

5. Моторола всегда прав.

6. Поскольку моторола всегда прав, глупо со стороны разумного человека противопоставлять ему свое мнение.

7. Для разумного человека глупо не следовать рекомендациям моторолы, даже если эти рекомендации кажутся ему нелогичными.

8. Абсолютное большинство рекомендаций моторолы принципиально непознаваемо.

9. Человек может пренебрегать рекомендациями моторолы, однако не следует злоупотреблять этим правом: даже если рекомендации моторолы идут вразрез с человеческой этикой (что случается крайне редко и только в случаях высокой важности — см.), толкают человека на поступок, кажущийся ему аморальным, все равно — неследование рекомендациям моторолы приведет к последствиям более трагическим; ибо что важнее: моралитарият одного конкретного человека или благополучие всех людей в мониторинжной сфере данного моторолы?

10. Моторола не может быть аморален, его рекомендации олицетворяют мораль более высокого порядка, чем мораль отдельной личности.

11. Моторола служит людям, и потому люди должны беспрекословно следовать рекомендациям моторолы, в чью мониторинговую сферу входит ареал их проживания.

12. Преступление против моторолы есть тягчайшее преступление против человечества.

ГЛАВА 1. ТАУЭР

Пэн-4 был точно таким, каким Дон неоднократно видел его в информационных стеклах, — старый, поросший мхом замок на полусферическом острове, подпираемом двумя сильно потрескавшимися слонами. Утверждают, что прежде слонов было четыре, но при первом хозяине два каким-то образом откололись и отправились в свободное космическое плавание. Восстановить их тот не удосужился, а Пэн-департамент, перекупив Усадьбу, не соби-рался этого делать вообще.

На черном космическом фоне старинный, словно сошедший с бумажных страниц, замок смотрелся дико. Дон сказал себе, что он такой эстетики совершенно не понимает.

Его тронули за плечо.

— Подходим. Собирайся, Уолхов!

Коннет Аршелл — пожилой, лет за сто двадцать, охранник с бульдожьей физиономией, с которым за время после суда они успели чуть ли не подружиться, — терпеливо и внимательно наблюдал за тем, как Дон хлопает себя по карманам в поисках разрешенного мемо; как, обнаружив его, наконец, на свободном кресле рядом с собой, начинает скидывать в стандартную коричневую котомку разбросанные в беспорядке ничего не значащие вещицы. Потом, согласно приказу, Коннет составит рапорт, в котором точно воспроизведет порядок собираемого имущества: носовой платок (с вечными своими насморками Дон никогда не обращался к Врачу и уж тем более к мотороле), странную какую-то игрушку сложной формы и непонятного назначения, строжайше запрещенный, но почему-то не отнятый наркоплейер, еще всякую дрянь. А позже, вернувшись, старый охранник будет рассказывать приятелям и родным, каков он из себя, Дон.

В общем, ничего такого особенного. Высокий. Худой. Чернявый. Нос горбатый, глаза все время щурит. Не подозрительно щурит, а словно вглядеться куда-то хочет. Хотя, по совести если, куда там вглядываться, когда тебя в Четвертый Пэн отправляют? И сморкается. И все время игрушку свою в руках вертит, не иначе как магия. Повертит-повертит — и отбросит, через минуту искать начинает, злится. То молчит мёртво, то с разговорами приставать начинает. И странные какие-то разговоры. Половина простая, а другую половину ну никак не понять. Ле-

пет идиотический. А, казалось бы, такой известный человек, просто удивительно даже.

При подходе к Пэну вегикл сильно трянуло. Дон поморщился, но ничего не сказал. Он заговорил, когда уже совсем сели.

— Прощай, Кон, — сказал он охраннику, — больше ты меня не увидишь. Но услышишь обязательно. И скоро. Это я тебе гарантирую. Ты мне понравился, правда.

Обыкновенная, ровным счетом ничего не значащая формула прощания, распространенная в Северных территориях, прозвучала как признание в уважении. Коннет с достоинством кивнул.

— Ты мне тоже понравился. Правда, — ответил он, потому что тоже был родом с Северных территорий. — Не скучай там, в Пэне. Не так уж там и дурно. Если только наружу не хочешь.

— Я хочу, — сказал Дон. — Я всегда наружу хочу. Мне в этом Пэне скучать не придется. Это я тебе гарантирую.

— Себе гарантируй.

— Ну, конечно. Себе.

Пэн-4, несмотря на архаический вид, относился к числу современных пенитенциарных заведений, где служащие не утруждают себя формальностями. Никто не вышел встречать арестанта, никто из сопровождающих не спустился вместе с ним из вегикла. Входной люк зарос сразу же, как только Дон ступил на швартовочную площадку; вегикл оттолкнулся всеми шестью пальцами и мгновенно исчез в черноте космоса. Подобно ему, при желании мог исчезнуть и Дон — наружной гравитации у космического замка практически не было. Но так сбегать он не планировал.

Края Пэна были обсажены аствариумом — деревьями, способными расти в безвоздушном пространстве. Дон не любил аствариумы за их неестественно металлический вид. Мертвое, притворяющееся живым, куда ближе человеку, чем живое, притворяющееся мертвым. Еще хуже, когда это живое притворяется плохо. Перед самым замком было открытое пространство — примерно четверть мили острых камней, густо поросших искусственным «изумрудовым» мхом. Фонари с равномерно расставленных мачт освещали всю эту природу мертвенно-белым светом, от которого немного кружилась голова.

Замок — Дон чертыхнулся с презрением и досадой — был окружен древневековым рвом, в котором тускло отсвечивала якобы вода. Перепрыгнуть через ров ничего не стоило, но это было неудобство, потому что следовало рассчитать прыжок так, чтобы ненароком не улететь в пустоту.

— Ну что?! — крикнул Дон. — Кто-нибудь меня встретит, или это для меня прогулка бессрочная? У меня воздуху только-только на сутки хватит. И в сортир надо!

Тут же раздался голос:

— Иди и не ёрничай!

Дон пожал плечами и осторожно поскакал ко рву. Как только он приблизился, откуда-то сверху опустился горбатый мост со ступеньками, тоже — разрази меня Сверхновая, если вру! — поросший «изумрудовым» мхом.

В дугу пьяный подкомандер промычал что-то вроде: «Добро пожаловать, уже ждут», — и снова уткнулся бычьим взглядом в тошнотворное порно-стекло — как и везде в подобных местах, с женщинами у персонала Пэна-4 были проблемы. В комна-

те, на которую подкомандер указал пальцем, Дона действительно ждал надменный мозгляк в фуражке с бляхами чуть ли не адмирала.

— Я Сторс, так и называй меня — Сторс, никаких чинов, никаких «господинов» или «дружищев», — громовым басом отчеканил мозгляк. — Будешь жить с нами все двадцать восемь лет. Не пытайся убежать или умереть — бесполезно. Ты в космосе и даже не знаешь где. Ты не имеешь права покидать пределы замка, ты не имеешь права не откликаться, когда к тебе обращаются, ты не имеешь права отказываться от выполнения приказов и всех пунктов Распорядка. В дополнение к стандартным ограничениям ты, Доницетти Уолхов, лишен права обращения к мотороле.

— Что? — взвился Дон. — Да как вы смеете? В приговоре насчет этого ничего не было, это ущемление естественных прав. Вас за это самого сюда посадят!

— А я и так здесь, — широко ухмыльнулся мозгляк. — И еще семнадцать лет никуда не денусь.

Возмущение Дона было наигранным. Он догадывался, что его ни за что не допустят к общению с моторолой Пэна-4. Глупо было подпускать к чуть ли не низшему мотороле человека, который трижды вступал в противоборство с планетными администраторами и приводил их в негодность.

Немного поцапавшись с мозгляком и для виду пару раз воззвав к мотороле, Дон вышел во внутренний двор Пэна. Древневековости, слава богу, здесь уже не было. Типовое голубое небо с земным солнцем и кордианскими облаками — слишком нежно-белыми, слишком пушистыми для какого-нибудь другого места, кроме курортной планеты; аккуратные палисаднички, живая изгородь по строго квадратному периметру; раздражающее завывание

неисправного уборщика где-то там, между ровными рядами кустов, и скамейки с узкими сиденьями алмазной твердости, с вертикальными жесткими спинками. «Их делали, — подумал Дон, — для чего угодно, только не для того, чтобы удобно на них сидеть».

Во внутреннем дворе никого не было.

— Эй! — крикнул Дон в никуда. — А как насчет моей койки?

И перещелкнул что-то в своей игрушке, которую из рук ни разу не выпустил с тех самых пор, как ступил на территорию Пэна.

Моторола Пэна-4, как и все прочие моторолы, которыми пользовался Общий Пэн-департамент, был сравнительно маломощен, имел всего четыре действующих пирамиды интеллекторов, причем основная их интеллектуальная мощь оставалась, как правило, не востребованной — на самом деле любому Пэну за глаза хватило бы и простого бортового устройства.

Это было неправильно, однако при последнем генеральном переоборудовании, за двадцать лет до описываемых событий, Департамент, несмотря на все рекомендации, на бортовых моторол не соглашался: те были менее престижны, чем четырехпирамидные, а в битве с розыскниками за дотации это имело очень большое значение. По прикидкам Пэн-коллегии, большой заказ на бортовые моторолы мог привести даже к нежелательной смене ее министра.

Тогда партия четырехпирамидных моторол победила, выставив главным доводом необходимость обеспечить как можно больший запас надежности Пэнов. Адвокаты Пэн-коллегии с легкостью отмели возражение Деп-розыска о том, что нет на свете че-

ловека, способного переиграть бортового моторолу, а стало быть, и нечего заводиться. Не повлияло на решение и то обстоятельство, что тезис о невозможности для человека переиграть бортового моторолу был вынесен на основе моторольных экспертных оценок, а моторола, как известно, непогрешим.

Сейчас четырехпирамидная партия, если бы таковая существовала, могла бы торжествовать — люди, способные вступить в противоборство с моторолами, появились, и в немалом количестве. Одним из них — может быть, самым лучшим — был Доницетти Уолхов, которого несколько раз арестовывали за намеренную порчу моторол высокого уровня, признали преступником первой категории и потому удостоили чести иметь собственного персонального детектива, о котором потом.

Простой четырехпирамидник был для Дона легкой добычей — именно поэтому Пэн-министр Урзус Базилио Патикум-Грит пошел на конституционное нарушение и запретил Дону общение с моторолами на полный срок заключения. Дон теоретически мог апеллировать в кучу инстанций, но практически у него не было ни единого шанса — таких, как он, в инстанциях ненавидели еще больше, чем моторол. Причем ненавидели открыто и с полным правом.

Их называли новыми хнектами, их называли геростратиками, в глазах всего мира они были преступниками наиопаснейшими; их проклинали, их ненавидели, ими — что, в общем, понятно — бессознательно восхищались.

Большинство хнектов Дон, как правило, и сам презирал: свои таланты, свои знания они тратили на то, чтобы намеренно делать людям гадости, желательно исподтишка. Он вел войну с моторолами по идейным соображениям. Люди сами должны решать свои проблемы, считал он, а тепличная жизнь